
ЖЕЛАЮЩАЯ МАШИНА И ШИЗОФРЕНИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В «ДЬЯВОЛИАДЕ» М.А. БУЛГАКОВА

Божанова Юлия Александровна,

студент, «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», РФ, г. Москва
yuliyabozhanova@gmail.com

Аннотация

В статье предлагается новый философский взгляд на повесть «Дьяволиада» М.А. Булгакова сквозь призму шизоанализа Делёза и Гваттари. Бюрократическая система или «адова канцелярия» понимается как «машина желания», вечно производящая действие, но не дающая результата. Главный герой, Коротков, анализируется как элемент механизма, шизо-индивид в шизофреническом процессе; его безумие и гибель понимается как единственная форма сопротивления системе. В работе прослеживается разрушение личности героя через мотивы двойничества, утраты документов и телесных метаморфоз.

Ключевые слова: Дьяволиада; Булгаков; шизоанализ; Делёз; Гваттари; желающие машины; тело без органов; бюрократическая система; линия ускользания; шизофренический процесс; шизо-индивид; Коротков; постструктурализм.

THE DESIRING MACHINE AND THE SCHIZOPHRENIC PROCESS IN «DIABOLIAD» OF M.A. BULGAKOV

Bozhanova Yulia Alexandrovna,

student, The Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow
yuliyabozhanova@gmail.com

ABSTRACT

The article proposes a new philosophical perspective on «Diaboliad» through the lens of Deleuze and Guattari's schizoanalysis. The bureaucratic system is understood as a «desiring-machine» that generates action but yields no result. The protagonist, Korotkov, is analyzed as a component of this mechanism – a schizo-individual caught in a schizophrenic process – with his madness and ultimate demise interpreted as the only form of resistance against the system. The study traces the disintegration of the protagonist's identity through motifs of doubling, the loss of documents, and bodily metamorphoses.

Keywords: Diaboliad; Bulgakov; schizoanalysis; Deleuze; Guattari; desiring-machines; body without organs; bureaucratic system; line of flight; schizophrenic process; schizo-individual; Korotkov; post-structuralism.

Введение

Повесть «Дьяволиада» М.А. Булгакова в литературоведении традиционно рассматривается как сатира на советскую бюрократию 1920-х годов. Действительно, писатель создаёт узнаваемую бездушную канцелярскую машину, уничтожающую маленького человека. Однако при таком классическом прочтении за пределами анализа остаётся тот глубокий сдвиг в сознании героя и в самой структуре реальности произведения. Коротков не просто сходит с ума и погибает под колёсами бюрократической системы – он теряет личность и перестаёт быть собой, а мир вокруг превращается в лабиринт, где реальность и сон сталкиваются друг с другом, вещи оживают, имена теряются.

В данной статье предлагается иная интерпретация повести, опирающаяся на концептуальный аппарат психоанализа, разработанный Ж. Делёзом и Ф. Гваттари в работе «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения». В таком ключе бюрократия «Дьяволиады» может быть рассмотрена как вариант «желающей машины». Сам Коротков оказывается шизофреником, чьё безумие и распад личности становятся не клиническим диагнозом, а продуктивной формой сопротивления системе и единственным способом увидеть реальность такой, какая она есть. Главный герой повести противостоит «адовой канцелярии» так же, как субъект у авторов «Анти-Эдипа» попадает в шизофренический процесс для того, чтобы попытаться вырваться из капиталистических оков. Каждый шаг Короткова ведёт не к результату, а к новому препятствию, сама система не выпускает его из круга, заставляя бесконечно блуждать.

Новизна такого подхода в том, что «Дьяволиада» впервые рассматривается в условиях постструктуралистской философии, которой на момент создания повести ещё не было, что позволяет увидеть в тексте Булгакова не только сатиру на бытовавшую тогда действительность. К тому же, повесть до сих пор обделена вниманием в научных кругах, что делает обращение к ней на новом теоретическом уровне особенно актуальным.

Теоретическую основу статьи составляет работа Ж. Делёза и Ф. Гваттари, исследования идей вышеупомянутых учёных, а также поэтики «Дьяволиады».

Основная часть

Для того, чтобы узнать в канцелярии Главцентрбазспимата не только гротескный портрет советского учреждения, но и работающий механизм желания, нужно уточнить, что именно Делёз и Гваттари понимают под своим термином. Шизоанализ, как подчёркивается в исследовательской литературе, представляет собой не клиническую практику, а «материалистическую психиатрию», которая рассматривает бессознательное не как театр репрезентаций, а как производство, то есть завод, фабрику или машину [4]. Желающая машина соединяется с другими машинами через потоки, которые прерывает, отводит в сторону и вновь пускает по иному руслу, и именно в этих постоянных сбоях, а не вопреки им, реализуется производство. Применительно к «Дьяволиаде» это означает, что абсурд канцелярии невозможно устранить благодаря умелому управлению или новому руководству, напротив, абсурд оказывается её основополагающим принципом. Как пишут Делёз и Гваттари, «желающие машины работают только в сломанном состоянии, постоянно ломаясь» [3, с. 22]. В повести такие «поломки» становятся нормальным состоянием мира: документы теряются, люди превращаются в собственных двойников, начальники исчезают и появляются в самых неожиданных местах. Вся система не столько функционирует, сколько создаёт видимость работы там, где никакой работы нет.

Показательна в этом отношении история с приказом об увольнении Короткова, подписанным с маленькой буквы как «кальсонер». Ошибка машинистки и техническая мелочь, которая запускает цепную реакцию: делопроизводитель бросается за разъяснениями, натывается на самого Кальсонера, который то бреется, то обрastaет

бородой в течение считанных минут; попадает в учреждение, где никто не может сказать, кто здесь, собственно, главный и существует ли этот главный вообще. Аппарат не отказывает Короткову, а создаёт бесконечный процесс из документов, распоряжений, направлений, ни одно из которых не приводит к результату, потому что результат вообще не входит в задачи машины; её задача – производить движение потока.

Пространство «Дьяволиады» организовано как бесконечный лабиринт канцелярских кабинетов, лестниц и коридоров. Само название учреждения, которое звучит как «Главцентрбазспимат» (Главная Центральная База Спичечных Материалов), формально внушительно, но семантически абсолютно ничем не наполнено. За этим именем не стоит никакого единого субъекта власти, это лишь огромное количество мест, множась по мере того, как Коротков пытается до них добраться. Не случайно поиски героя раз за разом выводят его к новым учреждениям (Центроснабу, Бюро претензий), каждое из которых обещает разрешить его дело и каждое из которых оказывается очередным звеном той же машины.

В этом смысле «Дьяволиада» описывает не иерархическую пирамиду власти, во главе которой будто бы стоит некий Кальсонер, а сеть кабинетов, где сама фигура начальника раздваивается, множится, ускользает, но не потому, что где-то скрывается конкретный виновник, а потому, что предполагаемый центр этой сети в принципе отсутствует.

Существенно и то, что Делёз и Гваттари создавали понятие желаемой машины на материале капиталистического общества, а Булгаков описывает советское учреждение первых лет НЭПа. Как и в анализируемом учёными капитализме, советская канцелярия «Дьяволиады» работает не через прямой запрет, а через избыточное производство процедур, справок и инстанций, которое подменяет собой решение дела. Бюрократия здесь является вариантом всё той же логики, при которой система воспроизводит себя за счёт бесконечного откладывания результата, а не за счёт его достижения.

Далее стоит перейти к главному герою повести. Личность Короткова переживает распад идентичности и безумие, но, что важно, здесь следует сразу разграничить значения понятия «шизофрения». Если в одном случае это оказывается психическим расстройством, то в ином, которое используют Гваттари и Делёз, шизофреник становится бунтующей личностью и героем, несогласным с капиталистическими рамками; шизофренический процесс – это не диагноз, а форма высвобождения «Я», которое капиталистическое общество вынуждено постоянно сдерживать.

Разрушение личности героя начинается с потери документов и заканчивается тем, что взамен утраченного удостоверения ему выписывают справку на чужое имя – Колобков. Так Коротков уже перестаёт быть собой в этой системе: место индивида занимает пустое имя, назначенное машиной. Показательно, что это имя не случайно: Колобков упоминается в повести как удачливый соперник героя, так и не появляющийся на её страницах, то есть двойник оказывается фигурой чисто номинальной, лишённой собственного тела и голоса. Точно также отсутствует единый Кальсонер: бритый и бородатый варианты начальника сменяют друг друга в пределах одной сцены, и различить, какой из них «подлинный», очевидно невозможно и не нужно, поскольку задача этой пары заключается не в подмене одного человека другим, а в демонстрации собственно работы машины, безостановочно печатающей лица и фамилии.

В исследованиях поэтики повести мотив двойничества традиционно рассматривается в контексте гоголевской или достоевской, где герой сталкивается со своим alter ego как воплощением вытесненных желаний [5, с 216]. Между тем в «Дьяволиаде» пара двойников устроена иначе, чем у Гоголя и Достоевского: эта пара не столько психологическая, сколько машинная, так как она размножается по образцу пары Кальсонеров, то есть подчиняется не логике вытеснения травматичного образа, а логике серийного производства лиц, которую

как раз и описывают Делёз и Гваттари применительно к работе желающих машин. В этой логике нет оригинала и копии, а только бесконечные равноправные варианты.

Не менее показательны телесные метаморфозы, которым подвергается Коротков по ходу действия. В сцене объяснения по поводу увольнения его лицо «сменило гнилую зелёную плесень на пятнистый пурпур» [1, с. 12], а через мгновение он предстаёт «становясь из пурпурного белым»: тело героя утрачивает устойчивый облик так же, как утрачивает постоянное имя. Здесь уместно вспомнить понятие «тела без органов», которым Делёз и Гваттари обозначают состояние, когда тело перестаёт быть структурой со своими функциями. Бюрократическая система навязывает такую же иерархию и человеку: он должен иметь имя, должность, документы, через которые система его контролирует. Коротков теряет такие элементы один за другим, и его тело перестаёт быть организмом. В этом смысле его безумие – освобождение тела от организации, навязанной системой. Глава «Орган и кот», в которой Коротков сталкивается с одичавшим животным среди неработающего ресторанного органа бывшей «Альпийской розы», продолжает ту же линию: механическое и живое, человеческое и звериное, всё это превращается в разные состояния одного и того же потока, который машина то и дело меняет на новый лад.

Кроме того, «между желающими машинами и телом без органов разгорается явный конфликт» [3, с. 24], так как машины стремятся к непрерывному производству и соединению, а тело без органов пытается ограничивать этот поток и «записывать» его, хотя и «страдает от того, что у него вообще есть какая-то организация» [3, с. 22]. Эта концепция идеально подходит для столкновения между Коротковым и бюрократической системой, ведь она, будучи желающей машиной, бесконечно порождает желания, а Коротков, пытаясь добиться их удовлетворения или урегулирования, оказывается бессильным и в итоге впадает в шизофренический процесс.

Безумие Короткова, о котором принято говорить, как о трагической деградации персонажа, в свете шизоанализа предстаёт скорее процессом высвобождения: герой перестаёт удерживать себя в границах той единственной, закреплённой в документах личности, которую требует от него бюрократическая машина. Разрушение субъекта и разрушение канцелярии, о котором шла речь в первом разделе, оказываются, таким образом, двумя сторонами одного и того же процесса, а система, не знающая устойчивого центра, порождает субъекта, не способного сохранить устойчивую личность. В этом смысле его безумие становится не только распадом, но и подготовкой к единственному возможному выходу – смерти, которая окончательно разрывает связь с желающей машиной.

В финале повести развязка лишена того оттенка безысходности, который читатель вправе ожидать от истории о гибели «маленького человека»: «солнечная бездна поманила Короткова, с пронзительным победным кликом он подпрыгнул и взлетел вверх», а затем, когда «кровавое солнце... лопнуло у него в голове» [1, с. 43], текст обрывается, оставляя читателю открытый финал.

Слово «победный» в этой сцене принципиально потому, что Булгаков описывает прыжок Короткова не языком поражения, а языком триумфа, и именно это делает классическое прочтение финала как смерти маленького человека под колёсами системы неполным. С точки зрения шизоанализа последний прыжок героя – это то, что Делёз и Гваттари называют линией ускользания, то есть выходом за пределы самой системы. Вся повесть до этого момента выглядит как безуспешные попытки Короткова вернуться в машину и восстановить утраченное место в ней. Заключительный прыжок вверх (даже не падение) – это единственное возможное действие для выхода из лабиринта. В конце концов, смерть Короткова становится не поражением, а актом разрыва с уничтожающей личность процессом. У героя нет другого пути, и несмотря на открытый финал, он не способен

выжить за пределами системы, поскольку является её продуктом – шизо-индивидом, возникшим внутри желающей машины.

Важно, впрочем, не превращать финал повести в апологию безумия как безусловного освобождения. Текст Булгакова не даёт однозначного ответа на вопрос, обретает ли Коротков в момент прыжка подлинную свободу или просто перестаёт существовать в этом мире. Тут также стоит вспомнить об опасности и двойственности линии ускользания. Как отмечается в исследовательской литературе, это всегда риск, ведь, вырвавшись из одной системы, можно легко попасть в другую, такую же жёсткую; либо погибнуть за её пределами [2]. Однако без риска были бы невозможны никакие изменения. Повествование обрывается вместе с сознанием героя, но эта незавершённость отлично символизирует шизофренический процесс, который не гарантирует спасения, а лишь позволяет вырваться из оков, в которых был заперт герой. Лабиринт «Дьяволиады», о котором говорилось во введении, не исчезает, сама по себе система остаётся и будет дальше функционировать, но герой, преодолев давление бюрократического аппарата, покидает его.

Заключение

Предпринятое прочтение «Дьяволиады» сквозь призму шизоанализа не отменяет её традиционного понимания как сатиры на советскую канцелярскую систему 1920-х годов, но существенно дополняет это понимание. Бюрократический аппарат Главцентрбазспимата описан Булгаковым не просто как инстанция, отчуждающая и подавляющая маленького человека, а как всегда поломанная «желающая машина». Коротков оказывается вовлечён в шизофренический процесс противостояния системы и «тела без органов», и становится бунтующим против правил субъектом, чьё безумие и гибель остаются единственной формой сопротивления бесконечному процессу. Его финальный победный прыжок только утверждает эту мысль: смерть в данном случае нельзя рассматривать как поражение в борьбе и торжество системы, наоборот, это символ свободы, полученной выходом из машины.

Такое прочтение, разумеется, не могло быть доступно современникам Булгакова: понятийный аппарат шизоанализа сложился спустя полвека после публикации повести в альманахе «Недра». Однако именно это позволяет увидеть в раннем булгаковском тексте то, что осталось бы незамеченным при чтении его исключительно в рамках современной автору сатирической традиции. Уже в двадцать первом веке можно увидеть опыт распада и метаморфозы, роднящий «Дьяволиаду» с гораздо более поздними литературными и философскими попытками увидеть субъекта за пределами устойчивого, единого, наделённого собственным «Я». Дальнейшего изучения в этой перспективе заслуживают и другие повести булгаковского цикла первой половины 1920-х годов – «Роковые яйца» и «Собачье сердце», где «машины», метаморфозы и раскол идентичности получают самостоятельное развитие.

Список литературы:

1. Булгаков М.А. Дьяволиада // Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Голос, 1995. – Т. 1: Дьяволиада. 1919–1924. – 800 с.
2. Волков А.В. ОБРАЗЫ ЖЕЛАЮЩЕГО ПРОИЗВОДСТВА В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2024. №77.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.

4. Коломиец Г.Г. Особенности реконструкции бессознательного в материалистической психиатрии Ж. Делёза и Ф. Гваттари // Russian Journal of Education and Psychology. 2011. №3.
5. Яблоков Е.А. «Лысый появился»: (Гоголевский подтекст в повести М.А. Булгакова «Дьяволиада») // Гоголь и пути развития русской литературы : К 200-летию И.С. Тургенева : 18-е Гоголевские чтения : Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции (Москва, 1-3 апреля 2018 г.) / Департамент культуры г. Москвы, «Дом Н.В. Гоголя» — мемориальный музей и научная библиотека ; общ. ред. В.П. Викулова. — Москва ; Новосибирск : Новосибирский издательский дом, 2019. — С. 213–220.

References:

1. Bulgakov M.A. D'yavoliada // Bulgakov M.A. Sobranie sochineniy: v 10 t. – M.: Golos, 1995. – Т. 1: D'yavoliada. 1919–1924. – 800 s. [Electronic resource]. – URL: <https://traumlibrary.ru/book/bulgakov-ss10-01/bulgakov-ss10-01.html> (accessed: 15.07.2026).
2. Volkov A.V. Obrazy zhelayushchego proizvodstva v nauchnom poznanii // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2024. №77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-zhelayushchego-proizvodstva-v-nauchnom-poznanii> (accessed: 16.07.2026).
3. Deleuze G., Guattari F. Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya / per. s frants. i poslesl. D. Kralechkina; nauch. red. V. Kuznetsov. – Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2007. – 672 s.
4. Kolomiets G.G. Osobennosti rekonstruktsii bessoznatel'nogo v materialisticheskoy psikhii Zh. Delyoza i F. Gvattari // Russian Journal of Education and Psychology. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rekonstruktsii-bessoznatelnogo-v-materialisticheskoy-psihii-zh-delyoza-i-f-gvattari> (accessed: 15.07.2026).
5. Yablokov E.A. «Lysyy poyavilsya»: (Gogolevskiy podtekst v povesti M.A. Bulgakova «D'yavoliada») // Gogol i puti razvitiya russkoy literatury : K 200-letiyu I.S. Turgeneva : 18-e Gogolevskie chteniya : Sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, 1-3 aprelya 2018 g.) / Departament kul'tury g. Moskvyy, «Dom N.V. Gogolya» — memorial'nyy muzey i nauchnaya biblioteka ; obshch. red. V.P. Vikulova. — Moskva ; Novosibirsk : Novosibirskiy izdatel'skiy dom, 2019. — S. 213–220. — URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/8948/> (accessed: 17.07.2026).